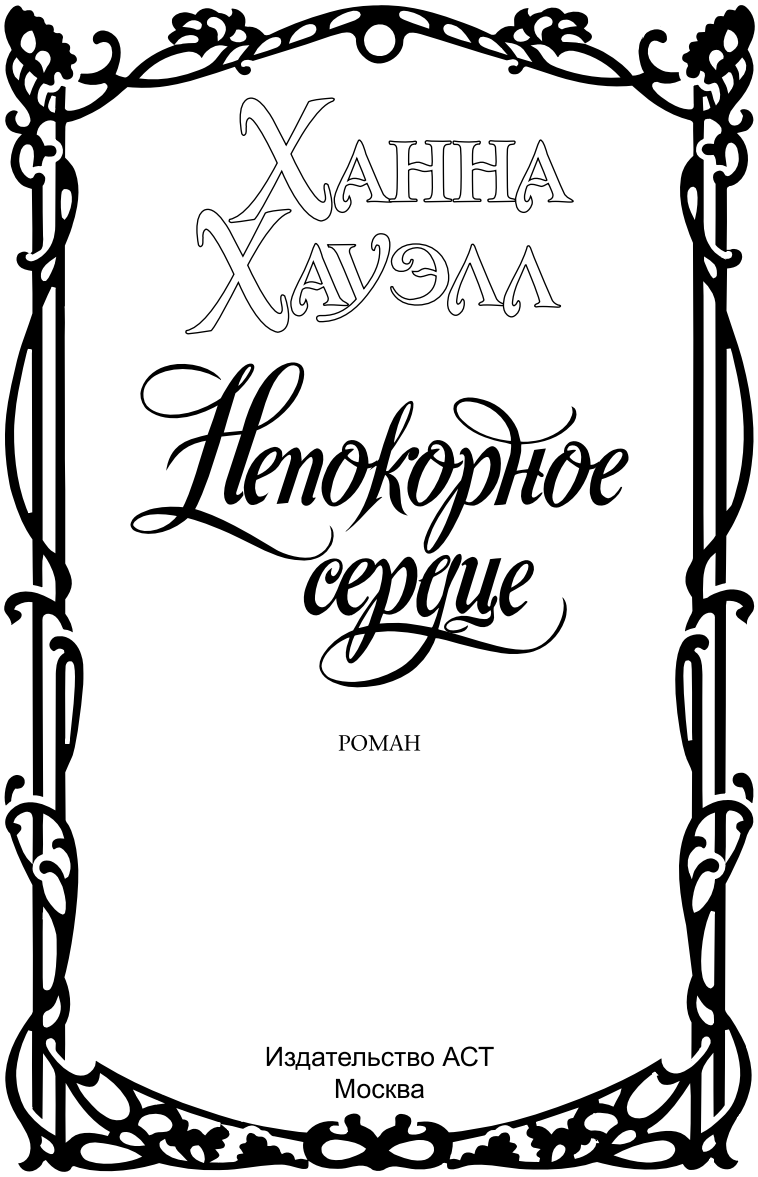

A decorative black border with intricate floral and scrollwork patterns frames the entire text area.

ХАНИНА
ХАУЭЛЛ

Непокорное
сердце

РОМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

X26

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Hannah Howell
UNCONQUERED

Перевод с английского *Н.С. Сергеевой*

Компьютерный дизайн *Г.В. Смирновой*

Печатается с разрешения Kensington Publishing Corp.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Хауэлл, Ханна.

X26

Непокорное сердце : [роман] / Ханна Хауэлл ;
[перевод с английского Н.С. Сергеевой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-121048-9

Два дара достались в наследство саксонской леди Иде — редкая красота и способность видеть будущее. Именно в одном из видений девушка впервые взглянула в глаза своей судьбе — в глаза Дрого де Тулону. Но Ида и вообразить не могла, при каких ужасных обстоятельствах состоится ее встреча с мужчиной, посланным небом. Прекрасная саксонка досталась суровому норманнскому рыцарю как военная добыча... однако стала его самым драгоценным сокровищем и величайшей любовью.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121048-9

© Hannah Howell, 1996
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2020

Глава 1

Побережье Англии

28 сентября 1066 года

Ничто не предвещало беды. Ведетта присела у окна и, глядя на голые ветви деревьев, с грустью подумала о приближающейся зиме. И вдруг с улицы раздался крик, а в следующее мгновение в дом стремглав влетел невысокий восьмилетний мальчуган.

— Что случилось, Этелред, почему ты так кричишь?

Мальчик подбежал к матери, зарылся головой в ее юбки и расплакался.

— Успокойся, не плачь. Так что случилось?

— Там корабли, очень много, большие, а на них лошади и люди.

Его круглая мордашка покраснелась, волосы торчали во все стороны.

— Может, даны? — пытаясь успокоить себя и сынишку, с трудом выговорила Ведетта севшим от ужаса голосом, поскольку уже знала ответ: даны обычно совершали свои набеги всего на двух-трех кораблях.

— Нет, мама, — покачал головой мальчик, высвобождаясь из-под руки матери. — Это не даны: у них другие флаги, мне папа показывал, — а у этих — как у Вильгельма Ублюдка и... Ай, больно!

Мать дернула его за ухо и прошипела:

— Никогда больше не произноси эти слова, Этелред, слышишь? Никогда! Выпорю!

— Да, мама, — пробормотал мальчик, и на глазах его выступили слезы.

Выбравив себя за то, что потеряла самообладание и выплеснула тревогу и страх на ребенка, Ведетта прижала Этелреда к груди, нежно погладила непокорные вихры, потом они вместе подошли к окну. Да, сынишка не ошибся: к берегу шла эскадра. О, господи, нет времени успокаивать ребенка, надо действовать.

— Надо бежать! Сынок, быстро собери свои вещи, возьми только самое необходимое.

Мальчик никогда не видел мать такой бледной и взволнованной: похоже, надвигается что-то страшное, — и поэтому опрометью бросился в свою комнату. Ведетта повернулась к дочери, худенькой тринадцатилетней девочке, которая сидела, склонившись над рукоделием.

— Аверил, ты что, оглохла? Марш к себе собирать вещи, да поторопись! Много не бери.

Аверил медленно выпрямилась, в недоумении глядя на мать. Ведетта опять едва не вышла из себя, но сдержалась, лишь легонько встряхнула девочку:

— Беги же, милая! У нас совсем мало времени!

Словно только что очнулась ото сна, Аверил вздрогнула и поплелась к дверям, а Ведетта поспешила в комнату прислуги отдать необходимые распоряжения. Через несколько мгновений один слуга уже мчался в конюшню запрягать в повозку лошадей, двое других схватили холщовые мешки, плетеные корзины и коробка и принялись заталкивать в них все, что влезало. Ведетта укладывала свои вещи и молила Бога, чтобы они успели покинуть город, захватив с собой как можно больше: судя по всему, Англию ждут тяжелые времена, и надо как-то их пережить.

Когда в повозку ставили последнюю корзину, Этел-ред вдруг вспомнил:

— Мама, а где же Ида?

Он спрыгнул с телеги и хотел было мчаться на поиски сестры, но Ведетта поспешно схватила его за воротник.

— Стой! Ида сумеет о себе позаботиться, а нам нельзя задерживаться.

— Но как так? Мы не можем оставить ее здесь! — побледнев, испуганно сказала Аверил.

— У нас нет другого выхода! — с горечью заметила Ведетта и жестом указала на залив: — Посмотрите туда, дети! Если мы потеряем время, никто из нас уже не выберется отсюда живым.

Со слезами на глазах дети забрались в повозку, и слуга, хлестнув лошадей, тронул с места. Ведетта обернулась, с тоской посмотрела на дом, сад, что пришлось бросить, и едва слышно проговорила:

— Да поможет тебе Бог, Ида. Я буду каждый день молиться, чтобы леса и холмы, которые ты так любишь, дали тебе приют и безопасность.

Осень иногда еще радовала солнышком, и каждый такой день Ида, прихватив своих лопоухих охотничьих собак, отправлялась гулять в лес, стараясь забраться как можно дальше. Нельзя сказать, что в маленьком прибрежном городке Пивинси было скучно, и все же при каждом удобном случае девушка стремилась убежать от шума, пыли и суеты. Но не только тенистой прохладой и густым сосновым ароматом привлекал ее лес: здесь жила старая Эдит, отшельница, которой много лет назад пришлось покинуть людей.

Добравшись до почерневшей от времени старой, покосившейся хижины, Ида сразу увидела в дверном проеме сгорбленную фигуру и радостно помахала рукой. Ответное приветствие было едва заметным: каждое дви-

жение давалось старухе с великим трудом, — и девушка с грустью подумала, что самому близкому для нее человеку осталось жить совсем недолго. Силы стремительно уходили из иссохшего тела, и только удивительно ясный взгляд добрых, всепонимающих глаз остался неизменным...

— Не надо бы тебе выходить, — мягко пожурила Ида старуху. — На улице уже свежо.

Эдит рассеянно кивнула, думая о чем-то своем, отступила в сторону, и девушка проскользнула в полумрак хижины.

— Скоро зима: хочу увидеть первый снег — поди, в последний раз.

— Ну зачем ты так? — укорила ее Ида, устраиваясь на разостланной возле печки рогоже. — Я вот тебе гостинцы принесла.

— А что здесь плохого? — задумчиво проговорила Эдит, с трудом опускаясь на скамейку. — Смерть — это ведь только для тела: оно устало, душа рубцами покрывалась. Приходит время, и человек уже ничего не боится, сам хочет уйти в мир иной.

— Неужели все так плохо? — Ида передала Эдит небольшой холщовый мешок, который принесла с собой.

— Каждое утро я просыпаюсь и думаю, почему Господь так жесток, за какой тяжкий грех так долго держит меня на земле. Скажи, прелестное дитя, неужели тебе хочется, чтобы мои страдания продолжались вечно?

— Нет-нет, я вовсе не желаю, чтобы ты мучилась, но при одной мысли, что тебя не будет, мне становится невыносимо горько и тоскливо.

— И мне жаль оставлять тебя: больше-то здесь ничего не держит. А как дома? Все живы-здоровы?

— Да, слава богу, только вот за отца переживаем. Я так боюсь за него, Эдит! Он отправился к королю Гарольду, а тот вроде воевать надумал с Гостигом.

Старая Эдит медленно покачала головой:

— Не надо бы ему туда: ничего, кроме стали и крови, он там не найдет.

Девушка вздрогнула и с тревогой взглянула на старуху. Все годы, что они были знакомы, Ида не переставала удивляться манере Эдит говорить так, будто знает все наперед. На сей раз ее слова испугали Иду, ведь пророчества старухи всегда сбывались. В Пивинси ее считали колдуньей, за это и изгнали.

— Отец думал, что за верную службу Гарольду вернет ему то, что отобрал, — пояснила Ида.

На морщинистом лице старой Эдит появилась грустная улыбка.

— Я знаю, только ничего у него не выйдет. Солнце короля Гарольда уже закатилось: он сражается за трон, который уже отдали другому. Разве ты не видела перед Пасхой огненный знак в небе?

Ида кивнула, и ее охватила дрожь. О светящемся шаре с длинным огненным хвостом, который неся по ночному небу, в городке до сих пор шли разговоры. Каждый хоть и объяснял это явление по-своему, но все сходились в одном — это был недобрый знак.

— В Пивинси только об этом и говорят.

— Да, все до сих пор ломают голову, что бы это значило, — заметила Эдит. — Поди, даже самые отважные, увидев огонь, пали ниц и стали просить у Господа помощи и защиты.

— Да, это так, — подтвердила Ида, — я и сама молилась Небесам. Как ты думаешь, чем тот огонь нам грозит?

— Бедное дитя! Ты хочешь знать правду и в то же время боишься ее. Да, для страха есть причины, но не позволяй ему сковать твою волю, лишит тебя сил и разума.

— Твои слова пугают меня больше, чем огонь в небе.

— Никогда не бойся правды: незнание и невежество — вот зло. Итак, ты хочешь знать. Ну что ж... То, что ты видела, — пламя, пожирающее трон Гарольда, а всадник, мчавшийся по небу за огненным хвостом, — новый король, предводитель норманнов, которые покончат с правлением саксов в этих землях.

— Вильгельм Ублюдок, — в ужасе прошептала Ида.

— Я бы на твоём месте прикусила язычок, — слабо улыбнулась старая Эдит, на миг даже помолодев. — Скоро он будет твоим королем.

— Но что тогда станется с моим отцом?

— Дни его, бедняги, сочтены, но он оставил после себя детей — в них будет жить его кровь.

— Ты... ты видела его смерть, Эдит?

— «Видела» не совсем верное слово: у меня нет никаких видений или снов. Я просто говорю то, что чувствую. Мысли приходят ко мне сами, слова сами срываются с губ. Иногда меня саму это удивляет: думала об одном, а сказала совсем другое. Истина сама говорит за себя моими устами. Я не могу этому воспрепятствовать, потому смирилась.

— Но то, что ты сейчас сказала... — Ида зябко поежилась и судорожно сжала на груди складки плаща. — Значит, нас ждет большая война?

— Да, это так, и сердце мое полно печали. Когда-то саксы-завоеватели забрали себе все, что можно, но теперь пришло время вернуть награбленное и то, что нажили.

— Но они будут защищаться!

— И погибнут — такова Божья воля, и ничего изменить нельзя. Всевышний позволил саксам владеть благодатными землями, но пора и честь знать — пришел черед других.

— Это значит, что наш народ и все наши обычаи исчезнут?

— Нет, моя девочка, не исчезнут — просто изменятся. И эта часть пророчества относится и к тебе.

— Ко мне? — воскликнула Ида и сжала кулаки, с трудом подавив вдруг вспыхнувшее желание ударить старуху и потребовать, чтобы прекратила говорить все эти ужасные вещи. — Но я всего лишь слабая девушка — что я могу?..

— Скоро ты выйдешь замуж.

Ида очень удивилась:

— Но я уже была замужем...

Эдит фыркнула, кочергой протолкнув поглубже в печь обгоревшее полено:

— Кого ты считаешь мужем — того молокососа, который так напился на собственной свадьбе, что ввязался в драку и был убит, вместо того чтобы лечь в постель с новобрачной? Ты осталась девственницей, да и волосы носишь распущенными, как незамужние девушки.

— Да, это так, но для всех я вдова, поэтому буду носить на голове траурную повязку. Мне не нужны перемены.

— А их и не будет: срок вдовьего одиночества уже истекает. Очень скоро в твоей жизни появится достойный мужчина.

— Красивый, отважный и сильный? — пошутила Ида, пытаясь скрыть свои истинные чувства.

— Да, как раз такой, и это вовсе не выдумка.

— Это произойдет после войны?

— Нет, гораздо раньше: твой будущий супруг скачет сюда вместе с Вильгельмом.

Ида отшатнулась, с ужасом глядя на старуху: Эдит никогда бы не сказала ничего подобного просто так.

— Норманн? — чуть слышно прошептала девушка. — Но ты же сказала, что норманны явились забрать наши земли? Как же я могу влюбиться во врага? Ты считаешь меня способной на предательство?

— Глупое дитя, — мягко улыбнулась Эдит. — Не бойся, весь наш народ не умрет, но в этом не будет заслуги наших мужчин. — Ее бесцветные губы сжались в жесткую складку. — Сейчас они враждуют друг с другом, ослабляя себя в междоусобной борьбе. Когда придут завоеватели, наши мужчины объединятся, но будет поздно. Конечно, будут и победы, но поражений их ждет гораздо больше, и еще до своей гибели они увидят, как их земли захватывают норманны. На наше будущее уже никогда не смогут повлиять саксы-мужчины, оно в руках саксонских женщин, которые станут женами норманнов. Если эти женщины будут разумны, то выучат язык норманнов, но сохраняют традиции саксов и позаботятся, чтобы их дети могли говорить и по-английски.

Старая Эдит повернула голову к Иде и едва заметно улыбнулась.

— Вижу, тебе совсем не понравилось то, что я поведала.

— Да как я могу верить в то, что буду делить ложе с врагом? — Ида возмущенно передернула плечами. — Неужели для того, чтобы наш народ не исчез с лица земли, саксонские женщины должны стать шлюхами?

— Не шлюхами: женами, хозяйками, матерями, хранительницами памяти о прошлом. Вижу, ты совсем не хочешь прислушаться к моим словам и трезво оценить ситуацию, но это необходимо. Ида из Пивинси, обещающей хорошенько все запомнить и как следует обдумать.

Ида поняла, что ее наставница огорчена, а слова ее могут оказаться последним напутствием, поэтому примирительно сказала:

— Нет-нет, я слушала очень внимательно, Эдит, и все обязательно запомню. Но хватит об этом: мое сердце просто разрывается от таких горестных и печальных вестей. Лучше посмотри, что я тебе принесла.

Ида взяла у нее из рук мешок и начала извлекать свои дары: горшочек с медом, сладкий сыр, хлеб и бутылъ с прекрасным вином.

Старуха улыбнулась:

— Принеси-ка нож и чашки: сейчас устроим себе пир.

— Ты не хочешь что-нибудь припрятать про запас?

— В моем возрасте, малышка, уже не думаешь о запасах, — пробормотала Эдит, принимая нож из рук Иды. — Ведь то, что будет отложено, я могу не попробовать уже никогда. Наш добрый Господь не будет ждать, пока закончатся все эти вкусности, чтобы призвать, наконец, меня к себе.

Иду передернуло от этой жутковатой шутки: наверное, не стоило сегодня сюда приходить: пророчества Эдит ее крайне встревожили. Они слишком часто сбывались, чтобы воспринимать их как бред выжившей из ума старухи. Девушка вдруг заметила, что тело старухи сгорбилось и стало странно неподвижным. О боже! От ужасного предчувствия ее охватила дрожь, девушка испытала непреодолимое желание со всех ног броситься прочь из лачуги, и только мысль, что Эдит просто впала в оцепенение, удержала ее на месте.

— Эдит! — Ида чуть потрясла старуху за плечо, но та даже не шевельнулась. — Эдит! Тебе плохо?

Словно очнувшись от тяжелого сна, женщина медленно подняла голову и взглянула Иде прямо в глаза. На лице старухи была написана такая печаль, что сердце девушки сжалось от страха.

— Тебе не следовало сегодня приходить сюда, Ида из Пивинси, — словно прочитав ее мысли, произнесла Эдит, затем, помолчав, потрясла головой так что седая прядь упала ей на лоб, и добавила: — Нет, что я такое говорю? Ты не могла ничего изменить: это Божья воля привела тебя сюда. Человек не в силах повлиять на судь-

бу: можно лишь подготовить себя к выполнению воли Всевышнего наилучшим образом, — но, похоже, у меня не осталось времени помочь тебе в этом. Ты должна пройти все испытания, что выпадут на твою долю, с честью, и первое из них уже совсем близко.

— О господи! Эдит, о чем ты? — испугалась Ида.

— Опять о Вильгельме, дочка. Конец правлению саксов придет сегодня.

— Сегодня? — Ида в изумлении вскочила на ноги. — Ты хочешь сказать, что война уже началась?

— Если я скажу «да», это вовсе не значит, что ты должна немедленно бежать домой. Неужели ты думаешь, что одна хрупкая девушка способна остановить целую армию? Ты не сможешь заставить корабли повернуть обратно во Францию.

— Я хочу убедиться, что с моей семьей все в порядке.

— Ведетта обо всем позаботится, не переживай. Как только появятся первые корабли норманнов, она со всеми домашними отправится туда, где будет безопасно, а потом... потом начнет все сначала: найдет мужчину, который сможет о ней позаботиться. Тебе нет нужды за них бояться.

— Но они не могут уехать без меня! — воскликнула Ида. — Мне надо бежать домой.

— Нет, даже ради тебя она не задержится ни на мгновение, — спокойно возразила Эдит, медленно поднимаясь, чтобы проводить Иду. — Ведетта красавица, но глупой ее не назовешь: если почувствует опасность, ради спасения младших детей она не станет ждать, когда ее старшая дочь вдоволь нагуляется. Ей будет тяжело принять такое решение, потому что она любит тебя, но медлить она не станет: схватит все, что сможет увезти, и тут же покинет Пивинси.

— Этого не может быть, — едва слышно пролепетала Ида, но внутренний голос подсказывал, что Эдит права.

Девушка разрыдалась и опрометью выскочила из хижины, а следом за ней помчались и обе ее собаки. Надо скорее добраться до дома. Может, на этот раз пророчество старой Эдит не сбудется? Остановилась девушка только на поляне, откуда открывался вид на Пивинси и реку, на которую выходили окна ее дома, и замерла от ужаса: у самого берега бились бортами друг о друга длинные узкие корабли. Вооруженные люди в длинных серых кольчугах прыгали в волны прибоя, по легким мосткам поспешно сводили на сушу лошадей и переносили поклажу. То и дело раздавались команды, выкрики и брань, конское ржание, а то и женский визг. Можно было только догадываться, что делают норманны с саксами и их женщинами, которые не успели уехать или спрятаться. Ида пригнулась как можно ниже, прижала к земле обеих собак и, глядя на свой родной дом, молилась, чтобы ее семья успела покинуть город.

Наконец разгрузка закончилась, и норманны, оседлав лошадей, небольшими отрядами стали покидать Пивинси. Сердце у девушки упало. Зачем она теряла время, наблюдая, как иноземные солдаты занимают город? Надо было сразу же бежать, а теперь... Ей следовало бы догадаться, что норманны, вступив в Пивинси, отправятся на разведку, чтобы запастись провизией и фуражом. Вполне возможно также, что они пустятся в погоню за беженцами в надежде захватить ценности, которые те взяли с собой. Захватчики всегда жаждут добычи, и, если награбленного в Пивинси им покажется мало, они не преминут опустошить округу... Девушка нервно сжала кулаки, по телу ее пробежал озноб. Надо куда-то спрятаться, найти надежное убежище, и как можно скорее! Ида быстро огляделась и, присмотрев неподалеку небольшую рощу с густой порослью молодняка, поспешила туда, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви. Собаки не отставали от хозяйки. Шепотом прика-

зав им лечь, Ида легонько сжала руками их узкие морды, давая понять, чтобы вели себя тихо и не шевелились.

Эдит и на этот раз оказалась права: не было сомнений, что, как только на горизонте показались первые паруса неприятеля, ее семья спешно покинула Пивинси. Ида нисколько не осуждала мать: в подобных обстоятельствах она и сама поступила бы точно так же — и не испытывала ни обиды, ни горечи, ни отчаяния.

То и дело посматривая в просвет между ветками, она вдруг заметила, что по холму прямо к ее убежищу движется конный отряд и мысленно обругала себя: вместо того чтобы сидеть в избешке Эдит, в безопасном уединенном убежище, она помчалась к мамочке. Останься Ида в хижине старухи, все могло быть по-другому: у нее было бы время спокойно обдумать, куда бежать, и без помех подготовиться... Впрочем, что толку в бесполезных сожалениях: сделанного не исправишь, — так что придется сидеть, скрючившись как улитка в раковине, и положиться на волю судьбы. Ида даже дышать боялась — каждое движение могло выдать ее присутствие. От неудобной позы затекли ноги, ныла поясница и сводило плечи, но ничего не поделаешь: придется потерпеть, — а с наступлением ночи уже что-то предпринимать. Тогда хоть появится шанс незаметно скрыться. Она вернется к Эдит, и, если та захочет, они вместе покинут эти места... Ида бормотала проклятия и молилась, чтобы в ее доме, когда там появятся норманны, им нечем было поживиться.

Глава 2

— Похоже, и здесь никого! Хозяева успели сбежать, — поднимая с пола пустую деревянную миску, громко объявил Танкред Уллак и заглянул в соседнюю комнату.

— Но кровати-то они, надеюсь, оставили? — усмехнулся Дрого де Тулон.

— Да, и вполне удобные.

— Гарнье, дружище! — Дрого ткнул в бок товарища, который с мрачным и угрюмым видом стоял рядом. — Неси-ка сюда наши вещи, а мой Иво пока поищет что-нибудь съестное.

— Никогда в жизни ноги моей не будет на палубе, — простонал Гарнье, бледный как полотно. — Не переносу морскую качку: доконала она меня совсем. Теперь я буду жить только на суше, хоть застрелите...

Дрого расхохотался и подтолкнул Гарнье к кровати. Страдалец растянулся на постели и замер, не в силах пошевелиться, а Дрого внимательно оглядел комнату. Дом явно покидали в спешке: на полу раскиданы одежда и игрушки, шкафы распахнуты, предметы обихода и посуда в беспорядке, — и все же, несмотря на это, чувствовалось, что здешние хозяева люди зажиточные и дом содержали в чистоте.